

А. А. Горский
ИРИ РАН, Москва, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. gor-ks@yandex.ru
ORCID 0000-0002-8502-1235

ВСЕВОЛОДИЧИ И ЯРОСЛАВИЧИ В СТАВКЕ БАТЯЯ ЗИМОЙ 1245–1246 гг.: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЕЗДКИ

Статья посвящена поездке князей Северо-Восточной Руси в ставку Батяя в 1245–1246 гг. Обосновывается тезис об участии в ней, помимо Ярослава, Святослава и Ивана Всеволодичей, старших сыновей Ярослава – Александра и Андрея. Результатом поездки было утверждение распределения княжеских столов в случае смерти Ярослава. Кроме того, в ставке Батяя был заключен брак вдового Ярослава с представительницей монгольской аристократии, а также, возможно, состоялась вторая женитьба Александра Невского. Эти матримониальные союзы оказали влияние на будущую расстановку сил на Руси.

Ключевые слова: Ярослав Всеволодич, Александр Невский, Батый, поездка в Орду

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 24-18-00407 «Завоевание мира и крах глобальной империи: монгольское нашествие в судьбах русских земель XIII в.».

В 1240-е гг. русские князья совершили ряд поездок к монгольским правителям. Некоторые из них – поездки Ярослава Всеволодича 1243 и 1246 гг., Даниила Романовича 1245–1246 гг., Михаила Всеволодича Черниговского 1246 г., Александра и Андрея Ярославичей 1247–1249 гг. – традиционно пользуются вниманием в историографии. Это связано с результатами данных поездок, известными из источников: Ярослав в 1243 г. получил от Батяя «старейшинство» среди русских князей, а в 1246 г. умер (вероятно, был отравлен) в Монголии после коронации великого хана Гуюка; Даниил получил от Батяя право владеть Волынской и Галицкой землями; Михаил был казнен в ставке Батяя за отказ поклониться идолу Чингисхана; Александр и Андрей получили в великоханской ставке ярлык соответственно на Киев и Владимир [ПСРА, т. 1, стб. 470–472; т. 2, стб. 805–808; Иоанн де Плано Карпини, с. 42–43, 50, 106, 111, 115–116, 125 (текст); 135, 140, 179, 182, 185, 191 (перевод)].

При этом еще две княжеские поездки «в Татары», имевшие место в 1244–1246 гг., остались на периферии исследовательского внимания. Приведем известия о них Лаврентьевской летописи, расположенные в ней друг за другом.

«В лѣто 6752. Князь Володимеръ Костянтинович, Борис Василкович, Василии Всеволодич со своими мужи поѣхаша в Тата[ры] к Батыеву про свою отчину. Батый же почти я чествою достойною и отпустивъ я, расудивъ имъ кождо в свою отчину, и приѣхаша с чеством на свою землю.

В лѣто 6753. Князь Костянтинъ Ярославичъ приѣха ис Татаръ от Кановичъ къ отцю своему с чеством. Того же лѣта великий князь Ярославъ и с своею братьею и с сыновци поѣха в Татары к Батыеву.

В лѣто 6754. Святославъ, Иванъ князи с сыновци своими приѣхаша ис Татаръ в свою отчину» [ПСРА, т. 1, стб. 470–471].

В статье 6752 (1244) г. речь идет о потомках Константина Всеволодича (старшего сына Всеволода «Великое Гнездо») – его единственном оставшемся на тот момент в живых сыне Владимире и внуках (старшем сыне Василька Константиновича и единственном – Всеволода Константиновича). Результат этой поездки – подтверждение владения полученными от отцов

княжествами: Ростовским для Бориса Васильковича, Ярославским для Василия Всеволодича и Углицким – для Владимира Константиновича.

Под 6753 (1245) г. сначала говорится о возвращении на Русь «от Канович», то есть из центральноазиатской ставки великих ханов¹, сына Ярослава Всеволодича Константина, отправленного туда в 1243 г.² Затем сказано об отъезде к Батыю Ярослава с братьями и некими «сыновцами» (племянниками³). Статья 6754 (1246) г. начинается с сообщения о возвращении братьев Ярослава – Святослава и Ивана Всеволодичей – из этой поездки, опять-таки с «сыновцами» (сам Ярослав от Батыя отправился в Каракорум на коронацию Гуюка в качестве великого хана). Таким образом, поездка началась ближе к концу 6753 мартовского года (оканчивался 28 февраля 1246 г.), а возвращение из нее имело место уже в начале следующего, 6754-го (начинался 1 марта 1246 г.). Результаты поездки в источнике не названы. Неясно также, кто подразумевается под определением «сыновцы».

Из позднейших летописей более подробно состав участников поездки прописывается только в Никоновской (начало XVI в.): «Того же лѣта князь велики Ярославъ Всеволодичъ, внукъ Юрья Долгорукаго, правнукъ Владимира Мономаха, з братьею своею, и з братаничемъ своимъ со княземъ Владимиромъ Константиновичемъ, и з братанича его Василка Ростовскаго съ сынми Борисомъ и Глѣбомъ и братанича его Всеволода съ сыномъ Василиемъ Всеволодичемъ, внукомъ Константиновымъ, правнукомъ Всеволодичемъ, праправнукомъ Юрья Долгорукаго, прапраправнукомъ Владимира Мономаха, поиде во Орду к царю Батыю» [ПСРА, т. 10, с. 129]⁴. Учитывая особенности данной летописи – стремление распространять известия своих источников путем домысливания, а иногда и прямого сочинительства [Клосс, с. 181–189; Горский 2023, с. 168–171] – видеть за этим что-то большее, чем реконструкцию сводчика, оснований нет. В первоначальном же тексте (Лаврентьевской летописи) в известии об отъезде князей под «сыновцами» по прямому смыслу имеются в виду племянники Ярослава, в сообщении о возвращении – племянники Святослава и Ивана. Казалось бы, естественно предположить, что речь идет о князьях, приходившихся племянниками всем трем здравствующим Всеволодичам⁵. Но такой племянник в то время был всего один – Владимир Константинович Углицкий, а «сыновцы» упоминаются во множественном числе⁶ (к тому же Владимир уже посещал Батыя в предыдущем, 1244 г.). Остается предполагать, что в одном случае «сыновцы» написано ошибочно вместо «сыновья». Если описка в статье 1245 г., то в поездку отправились сыновья Ярослава («сыновцы» по отношению к Святославу и Ивану), если в статье 1246 г. – сыновья Святослава и Ивана («сыновцы» Ярослава).

У Святослава известен сын Дмитрий, у Ивана – сын Михаил. Но какой был смысл в поездке этих княжичей, относящихся к младшим из потомков Всеволода «Великое Гнездо»? Другое дело, если речь идет о сыновьях Ярослава: они были старшими среди князей Северо-

¹ На тот момент великого хана в Монгольской империи формально не было: Угедей умер в декабре 1241 г., его сын Гуюк был коронован в августе 1246 г. Но контролировалась великоханская ставка кланом Угедея во главе с его вдовой Туракиной.

² «В лѣто 6751. Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови» [ПСРА, т. 1, стб. 470].

³ Помимо значения «племянник», словом «сыновцы» назывались (в редких случаях) двоюродные братья [Словарь русского языка, с. 137], но таковых у сыновей Всеволода «Великое Гнездо» в то время не было.

⁴ По-видимому, отталкиваясь от этого известия Никоновской летописи (хотя и без ссылок), Д. Г. Хрусталева и Ю. В. Селезнев считали, что именно углицкий, ростовский и ярославский князья ездили тогда вместе со Всеволодичами к Батыю [Хрусталева, с. 286; Селезнев, с. 174].

⁵ Очевидно, этим и руководствовался составитель Никоновской летописи, посчитав, что речь идет о потомках Константина Всеволодича, о поездке которых к Батыю говорилось выше, в статье 6752 г.

⁶ К внучатым племянникам (коими для Всеволодичей являлись Борис и Глеб Васильковичи и Василий Всеволодич) термин «сыновец» не применялся (см.: [Словарь древнерусского языка, с. 278]).

Восточной Руси после младших братьев своего отца, и вполне резонно было бы именно им, сыновьям великого князя, отправиться к Батыю вместе с отцом и дядьями⁷.

В таком случае надо полагать, что среди сыновей Ярослава, ездивших в конце 1245 – начале 1246 г. к Батыю, должны были быть старшие из них – Александр Невский и Андрей. Позже, по смерти отца и вокняжении во Владимире Святослава Всеволодича, в 1247–1249 гг., именно они совершат путешествие через ставку Батыя в ставку великого хана Гуюка, приведшую к пересмотру распределения столов. Сведения новгородского летописания о деятельности Александра предположению о его участии в поездке конца 1245 – начала 1246 г. не противоречат. В 6753 (1245) г. он нанес поражение вторгшимся в южные пределы Новгородской земли литовцам [Новгородская первая летопись, с. 79]. Следующее известие, под 6754 (1246) г., говорит об отъезде Александра «в Татары» [Новгородская первая летопись, с. 79]. Имеется в виду отъезд князя из Новгорода в самом конце 6864 г. (длился до конца февраля 1247 г. от Р.Х.), после получения известия о смерти отца (происшедшей в Монголии 30 сентября 1246 г. [ПСРА, т. 1, стб. 471]). К Батыю он отправился после похорон Ярослава и пребывания в Суздальской земле, о чем говорится в Лаврентьевской летописи под 6755 (1247) г.: «Слышавъ Олександръ смерть отца своего, приѣха из Новагорода в Володимеръ <...> Того же лѣта поѣха Андрѣи князь Ярославич в Татары к Батыеви, и Олександръ князь поѣха по братѣ же к Батыеви» [ПСРА, т. 1, стб. 471 (под 6755 (1247) г.)]. О возвращении Александра после этой поездки в Новгород местный летописец сообщает под 6758 (1250) г. [Новгородская первая летопись, с. 80]. В Житии Александра также между разгромом литовцев и поездкой в степи 1247–1249 гг. никакие действия Александра не упоминаются [Бегунов, с. 173–174]. Таким образом, зимой 1245–1246 гг. Александр вполне мог отсутствовать в Новгороде, сведений о его пребывании там в этот отрезок времени нет. Первая поездка Александра во владения монгольских правителей могла быть не упомянута в Житии и в летописи, поскольку там рассказывалось о самостоятельных действиях князя, а в поездке 1245–1246 гг. он находился при отце⁸.

Результат поездки конца 1245 – начала 1246 г. виден из происшедшего в 1247 г., после кончины Ярослава. Тогда после съезда князей Суздальской земли во Владимире «Святославъ князь сынъ Всеволожъ сѣде в Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городом, яко же бѣ имѣ отецъ оурядилъ Ярославъ» [ПСРА, т. 1, стб. 471]. Великокняжеский стол занял, таким образом, Святослав Всеволодич, а его племянники, сыновья Ярослава (то есть те же «сыновцы» Святослава, которые ездили к Батыю в 1245–1246 гг.!), получили владения согласно воле покойного отца. Очевидно, это «уряжение» Ярослава и утверждалось Батыем перед поездкой Ярослава к великому хану Гуюку. Соответственно, и вокняжение Святослава во Владимире осуществилось по завещанию Ярослава. В 1238 г., когда Ярослав занял владимирский стол, он передал Святославу, ранее княжившему в Юрьеве-Польском, Суздаль [ПСРА, т. 1, стб. 467]. Между тем со времени Андрея Боголюбского, перенесшего столицу Суздальской земли из Суздаля во Владимир, Суздаль особого стола не имел, принадлежа великому князю владимирскому. Исключением стал короткий период после вокняжения во Владимире в 1216 г. в результате междоусобной борьбы Константина Всеволодича, когда он передал побежденному брату Юрию Суздаль; после смерти Константина в 1218 г. Юрий вернулся во Владимир, Суздаль вновь остался без своего князя [ПСРА, т. 1, стб. 440; т. 25, с. 115–116; Кучкин, с. 100–101]. Передача Суздаля в 1238 г. Святославу означала, скорее всего, то же самое: Ярослав вступил на великое княжение и отдал этот расположенный близ Владимира город, бывший своеобраз-

⁷ На то, что под «сыновцами» статей 1245 и 1246 гг. имеются в виду явно сыновья Ярослава, обратил внимание П. В. Лукин [Лукин].

⁸ Что касается Андрея Ярославича, то до его отъезда к Батыю в 1247 г. он упоминается в источниках только под 1240 и 1242 гг. [Новгородская первая летопись, с. 78; ПСРА, т. 1, стб. 470].

ным символом земли (она по-прежнему в то время называлась «землей Суздальской», а сокращенно – просто «Суздаем» [Горский 2015]), следующему по старшинству князю, который должен был наследовать после Ярослава великое княжение. Во время поездки к Батыю конца 1245 – начала 1246 г. права Святослава на занятие владимирского стола (как и права сыновей Ярослава на другие столы в Северо-Восточной Руси) в случае смерти Ярослава были подтверждены, почему он и занял его в 1247 г. без нового визита к правителю Улуса Джучи.

Другим, кроме утверждения будущего распределения столов, результатом поездки, вероятно, стал третий брак овдовевшего в 1244 г. Ярослава Всеволодича. Согласно сведениям Плана Карпини, во время поездки великого князя в Монголию, из которой он не вернулся, в ставке Батыя находилась его супруга [Иоанн де Пано Карпини, с. 125 (текст), 191 (перевод)]. Скорее всего, брак был заключен во время пребывания там Ярослава, и женой великого князя стала близкая родственница Батыя (см. подробно: [Горский 2024, с. 133–140]). Но возможно, это был не единственный брачный союз, заключенный в начале 1246 г.

Недавно были опубликованы результаты исследования образцов ДНК сына Александра Невского Дмитрия Александровича, взятых из его захоронения в Спасо-Преображенском соборе Переяславля-Залесского [Жур и др.]. По отцовской линии ничего неожиданного они не выявили – у Дмитрия была обнаружена Y-хромосома «Рюриковичской» гаплогруппы N1a. Но вот по материнской линии проведенный анализ зафиксировал митохондриальную гаплогруппу F1b1, характерную для Востока Евразии [Жур и др., с. 53–58].

Между тем матерью Дмитрия в историографии всегда считалась дочь полоцкого князя Брючислава, на которой Александр женился в 1239 г. [Новгородская первая летопись, с. 77]. Нельзя, конечно, исключать, что мать Брючиславны происходила из половцев, у которых могли быть матримониальные связи с Центральной Азией. Но браки с половчанками всё же были характерны для тех русских князей, которые пребывали в Южной Руси, на границе с Половецкой землей⁹; удаленным от нее князьям полоцкой ветви они не свойственны¹⁰.

Возникло другое предположение: Дмитрий был рожден от второй жены Александра, которая могла происходить из монгольской аристократии [Рожанский, с. 16–17; Меркулов 2024, с. 18; Меркулов 2025, с. 113–114]. В качестве вероятной даты брака называется время поездки Александра во владения монголов 1247–1249 гг. [Меркулов 2025, с. 114].

Такая датировка отталкивается от закрепившегося в историографии представления о появлении Дмитрия Александровича на свет около 1250 г. (см., например: [Донской, с. 261; Флоря, с. 104]). Но даты рождения Дмитрия в источниках нет. Единственное, при этом косвенное, указание на его возраст содержится в Новгородской первой летописи под 6772–6773 гг., при описании событий конца 1264 – начала 1265 г. [Бережков, с. 272]: «В лѣто 6772. Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича, сдумавше с посадникомъ Михаиломъ, зане князь еще малъ бяше; а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тфѣрь сынъ посадничъ и лучшии бояры. В лѣто 6773. Посадиша в Новѣгородѣ на столѣ князя Ярослава Ярославича мѣсяца генваря въ 27» [Новгородская первая летопись, с. 84]. Отсюда и следует вывод, что Дмитрий тогда был подростком, и выводится приблизительная дата рождения. Но есть основания сомне-

⁹ Так, зафиксированный брак с половчанкой князя из Северо-Восточной Руси – первый брак того же Ярослава Всеволодича, с внучкой хана Кончака – был заключен тогда, когда Ярослав княжил в Переяславле Южном, на границе со степью [ПСРА, т. 1, стб. 426].

¹⁰ В статье, посвященной исследованию ДНК Дмитрия Александровича, говорится, что «из половецкого рода происходила вторая жена полоцкого князя Святополка Изяславича (1050–1113), Елена, дочь хана Тутуркана» [Жур и др., с. 64]. Но Святополк не относился к ветви полоцких князей Брючиславичей; полоцкий стол он занимал в 1069–1071 гг., как сын киевского князя Изяслава Ярославича, в ходе борьбы последнего с Всеславом Брючиславичем Полоцким; женитьба же на дочери Тутуркана состоялась в 1094 г., когда Святополк был киевским князем [ПСРА, т. 1, стб. 174, 226].

ваться, что мотивировка нежелания новгородцев иметь Дмитрия князем связана со столь юными его годами. Зимой 1267–1268 гг. Новгород замыслил большой поход на Раковор – центр датских владений в земле эстов. Среди привлеченных к нему князей были князь псковский (литовского происхождения) Довмонт, уже прославленный полководческими успехами, племянник великого князя владимирского Ярослава Ярославича и его наместник в Новгороде Юрий Андреевич и сыновья великого князя Святослав и Михаил. Но в качестве главнокомандующего новгородцы пригласили княжившего тогда в Переяславле-Залесском Дмитрия Александровича [Новгородская первая летопись, с. 85–86]. В историографии можно встретить такую мотивировку этого шага: Дмитрий был «лучший из русских военачальников того времени» [Фенел, с. 178]. Но если Дмитрию было всего 17 лет, то где он успел прославиться как полководец? Единственным военным походом Дмитрия до этого времени был успешный поход новгородцев с помощью сил князей Суздальской земли в 1262 г. на Юрьев (Дорпат) – один из главных центров ливонских немцев. Дмитрий, княживший тогда по повелению отца в Новгороде, считался командующим войском [Новгородская первая летопись, с. 83; Бегунов, с. 177 (текст древнейшей редакции Жития Александра Невского)]. Если ему было всего около 12 лет, его командование могло быть только номинальным. Но коль скоро в 1267 г., когда Дмитрий уже не имел отношения к Новгороду, новгородцы, тем не менее, пригласили его командовать войском, следовательно, в 1262 г. его полководческие качества произвели на них впечатление. И тогда надо признать, что в походе на Юрьев Дмитрий был реальным командующим. А это значит, что ему вряд ли было тогда менее 15–16 лет. В 1264 же году новгородцы на юный возраст князя ссылались, чтобы затушевать истинную причину его удаления из Новгорода – уступку силе: речь ведь шла о признании новгородским князем великого князя владимирского Ярослава Ярославича, чей статус был незадолго до этого закреплен решением ордынского хана Берке. Скорее всего, реально Дмитрию было тогда около 18 лет (если бы больше, то мотивировка новгородцев выглядела бы совсем абсурдно). Соответственно, родился он в середине 1240-х гг.

В этом случае второй брак Александра Невского можно связывать как раз с поездкой к Батыю конца 1245 – начала 1246 гг. Возможно, он, как и отец, незадолго до этого овдовел, и правитель Орды в целях укрепления своей власти организовал новые браки как великого князя, так и его старшего сына. Тогда все сыновья Александра, кроме старшего Василия (не игравшего после смерти отца политической роли), – Дмитрий, Андрей и Даниил – имели родственную связь с монгольской аристократией, возможно, с правящим родом Чингисидов. Происхождение как последней жены Ярослава Всеволодича, так и матери потомков его старшего сына объясняет предпочтение, которое в Орде отдавалось потомкам Ярослава (с 1249 г. только они претендовали на великое княжение [Горский 2004, с. 223–226; Горский 2024, с. 132–133]).

Таким образом, можно полагать, что матримониальные результаты поездки князей Суздальской земли в 1245–1246 гг. В ставку Батыя имели более долгосрочные последствия, чем утвержденный тогда порядок замещения столов: если последний был пересмотрен в результате визита Александра и Андрея Ярославичей к Батыю и великоханскому двору 1247–1249 гг., когда старшие сыновья Ярослава получили два главных стола своего отца – киевский (он же всея Руси¹¹) и владимирский, то заключенные в начале 1246 г. браки серьезно повлияли на дальнейшую расстановку сил на Руси.

¹¹ «...приказаша Олександрови Києвъ и всю Русьскую землю» [ПСРА, т. 1, стб. 472].

Источники

- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. 232 с.
- Иоанн де Плано Карпини. История монголов. М., 2022. 384 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 642 с.
- ПСРА. М., 1997. Т. 1. Н, VIII, 733 с.; М., 2001. Т. 2. XVI, 938, L, [14] с.; М., 1965. Т. 10. 244 с.; М.; Л., 1949. Т. 25. 464 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2023. Т. 13. 728 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2011. Вып. 29. 480 с.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. 392 с.
- Горский А. А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 900-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27–32.
- Горский А. А. «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 156–177. DOI 10.35549/HR.2023.2023.45.006
- Горский А. А. Князья и княгини Русского Средневековья: Исторические последствия малоизвестных событий. М., 2024. 200 с.
- Донской Д. В. Рюриковичи: исторический словарь. М., 2009. 834 с.
- Жур К. В., Шарко Ф. С., Седов В. В., Добровольская М. В., Волков В. Г., Максимов Н. Г., Сеславин А. Н., Макаров Н. А., Прохорчук Е. Б. Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики // Acta naturae. 2023. Т. 15. № 3 (58). С. 49–65. DOI 10.32607/actanaturae.23425
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. 312 с.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. 354 с.
- Лукин П. В. «Хоробрит» и «Dux Susdaliensis»: Борьба за власть в Суздальской земле во второй половине 1240-х гг. В международно-политическом контексте // Шаги/Steps (в печати).
- Меркулов В. И. Александра Брячиславна Полоцкая: проблема принадлежности захоронения с точки зрения ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2024. № 3–4. С. 14–20.
- Меркулов В. И. Василиса из Княгинина монастыря во Владимире: проблемы и перспективы ДНК-исследований // к юбилею академика А. В. Лубкова: Сборник статей. М., 2025. С. 110–128.
- Рожанский И. Л. Новости палеогенетики: Александр Невский и его род // Исторический формат. 2023. № 1–2. С. 10–18.
- Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. 292 с.
- Флоря Б. Н. Димитрий Александрович // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 104–107.
- Хрусталева Д. Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. 415 с.

References

- Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya. Moscow, 1963. 376 p. (In Russ.)
- Donskoi, D. V. Ryurikovichi: istoricheskii slovar'. Moscow, 2009. 834 p. (In Russ.)
- Fennel, Dzh. Krizis srednevekovoi Rusi. 1200–1304. Moscow, 1989. 292 p. (In Russ.)
- Florya, B. N. Dimitrii Aleksandrovich. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2007. Vol. 15. Pp. 104–107. (In Russ.)
- Gorskii, A. A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo tsarstva. Moscow, 2004. 392 p. (In Russ.)

Gorskii, A. A. Ponyatie “suzdal’skii” v politicheskom leksikone XII–XIV vekov. In *Na poroge tysyacheletiya: Suzdal’ v istorii i kul’ture Rossii. K 990-letiyu pervogo upominaniya Suzdalya v drevnerusskikh letopisyakh*. Vladimir, 2015. Pp. 27–32. (In Russ.)

Gorskii, A. A. “Skazanie o Mamaevom poboishche”, “Povest’ o razorenii Ryazani Batyem”, Nikonovskaya letopis’: o nachale russkoi istoricheskoi belletristiki. In *Istoricheskii vestnik*. 2023. Vol. 45. Pp. 156–177. DOI 10.35549/HR.2023.2023.45.006 (In Russ.)

Gorskii, A. A. Knyaz’ya i knyagini Russkogo Srednevekov’ya: Istoricheskie posledstviya maloizvestnykh sobytii. Moscow, 2024. 200 p. (In Russ.)

Khrustalev, D. G. Rus’ i mongol’skoe nashestvie (20–50-e gg. XIII v.). Saint Petersburg, 2013. 415 p. (In Russ.)

Kloss, B. M. Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vv. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)

Kuchkin, V. A. Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. Moscow, 1984. 354 p. (In Russ.)

Lukin, P. V. “Khorobrit” i “Dux Susdaliensis”: Bor’ba za vlast’ v Suzdal’skoi zemle vo vtoroi polovine 1240-kh gg. v mezhdunarodno-politicheskom kontekste. In *Shagi/Steps* (in print). (In Russ.)

Merkulov, V. I. Aleksandra Bryachislavna Polotskaya: problema prinadlezhnosti zakhoroneniya s tochki zreniya DNK-genealogii. In *Istoricheskii format*. 2024. No. 3–4. Pp. 14–20. (In Russ.)

Merkulov, V. I. Vasilisa iz Knyaginina monastyrya vo Vladimire: problemy i perspektivy DNK-issledovaniy. In *K yubileyu akademika A. V. Lubkova: Sbornik statei*. Moscow, 2025. Pp. 110–128. (In Russ.)

Rozhanskii, I. L. Novosti paleogenetiki: Aleksandr Nevskii i ego rod. In *Istoricheskii format*. 2023. No. 1–2. Pp. 10–18. (In Russ.)

Seleznev, Yu. V. Russkie knyaz’ya v sostave pravyyashchei elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vekakh. Voronezh, 2013. 472 p. (In Russ.)

Zhur, K. V., Sharko, F. S., Sedov, V. V., Dobrovol’skaya, M. V., Volkov, V. G., Maksimov, N. G., Seslavin, A. N., Makarov, N. A., Prokhorchuk, E. B. Ryurikovichi: pervyi opyt rekonstruktsii geneticheskogo oblika pravyyashchego roda srednevekovoi Rusi po dannym paleogenomiki. In *Acta naturae*. 2023. Vol. 15. No. 3 (58). Pp. 49–65. DOI 10.32607/actanaturae.23425 (In Russ.)

Anton A. Gorskiy

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

VSEVOLODICH I AND YAROSLAVICH I AT BATU’S COURT IN THE WINTER OF 1245–1246: GOALS AND RESULTS OF THE TRIP

The article deals with the visit of princes of the North-Eastern Rus to the court of Batu in 1245–1246. The author substantiates the thesis of participation therein of older sons of Yaroslav – Alexandr and Andrey, along with Yaroslav, Svyatoslav and Ivan Vsevolodichi. The result of the visit was the approval of princes throne’s allotment in case of death of Yaroslav. Secondly, there took place the marriage of widowed Yaroslav with a representative of Mongol aristocracy, and maybe the second marriage of Alexandr Nevskiy. These matrimonial unions made an impact on the future balance of power in Rus.

Keywords: Yaroslav Vsevolodich, Alexandr Nevskiy, Batu, a visit to the Horde